

"Её глаза — как два тумана,
Популыбка, популпак,
Ее глаза — как два обмана,
Покрытых мелкою неудач..."

Николай ЗАБОЛОЦКИЙ

НА ИЗЛЁТЕ СТАЛИНСКОГО БОЛЬШОГО СТИЛЯ — в 1953 году — поэт Николай Заболоцкий написал одно из самых изысканных творений советской литературы — "Портрет". Слова, исполненные горечи и восторга, посвящались Александре Струйской — очаровательной барыне, заслужившей историческую память лишь потому, что её запечатлел сам Фёдор Рокотов. "Ты помнишь, как из тьмы былого, / Едва закутана в атлас, / С портрета Рокотова снова / Смотрела Струйская на нас?" Красавица, жена расточительно-эпатажного щёголя, занимавшегося переводами и стихами — увы, бездарными — мадам Струйская должна была бы источать радость, на крайний случай — довольство...

Этот брак, несмотря на гуманитарное полихание мужа, значился вполне удачным и даже — счастливым. Впрочем, Струйская овдовела, пережив своего импульсивного супруга на целую вечность, и почила уже при Николае I, в возрасте восьмидесяти шести лет. Наверное, как все "пиковые дамы", она глела на собственное изображение, как на "тьму былого". Отчего же глаза её — "...покрыты мелкою неудач?" Рисованная печаль — вовсе не от бремени вдовства: портрет был написан в пору медового месяца господ Струйских. Это — кисть Рокотова, умевшего придавать лицам особую таинственность. Загадку. Флёр. Обман. Да только ли в художнике дело?

Вторая половина XVIII столетия — это истерзаный мир после Семилетней войны, которую обыкновенно считают чем-то легкомысленным, однако сила её воздействия оказалась велика — вся европейская цивилизация сменила свой вектор. Возникла потребность в уединении. Актуальной сделалась грусть, пришедшая на смену жеманной томности. Завитушки роково воспринимались как тяжеломерно-дурной вкус. Французский парк с его идеальными боскетами навевал скуку — в моду вторгался британский стиль, подразумевавший естественную среду обитания, мистические гроты и псевдо-руины. Культ природы и сентиментальность отличали тогдашнее современное человека. Уникальный рококовский почерк — это попадание в тренды, как теперь это называют. От художников стали требовать отображение личности, души, безотных омутов-очей.

В Государственном Историческом музее сейчас проходит выставка произведений Фёдора Степановича Рокотова (1735—1808). Экспозиция интересна уже тем, что многие из работ — недавно "открытые", атрибутированные. Долгие годы их авторство было под вопросом, а потому на стендах присутствуют материалы фотосъёмки и рентенограмм, сделанных в процессе изучения полотен. Другим объединяющим фактором является история — все персонажи известны или хотя бы отражают смысл эпохи.

Фёдор Рокотов и сам — явление своего века. Выходец из крепостных (по другой версии — бастард князя Репнина, без колебаний давшего талантливому юноше волюную), художник вращался в барских салонах, дружил с Иваном Шуваловым — главным покровителем всех российских муз, был вхож в лучшие дома — в качестве гостя, то есть равного. Учился за границей, слыл образованным человеком, что в ту пору предполагало обширные знания — по примеру французских энциклопедистов и немецких философов. Он довольно быстро стал "модным" портретистом, поэтому количество работ, приписываемых Рокотову, — изумляет. Есть резонное предположе-

ние, что многие картины, в том числе отобранные для экспозиции, заканчивали его ученики — допустим, Андрей Зяблов, крепостной крестьянин вышеупомянутых Струйских.

Более того, Рокотов был одним из основателей Английского клуба в Москве, членство в котором почиталось за превеликую честь ("Ну что ваш батюшка? Всё Английского клуба / Старинный верный член до гроба?" — как впоследствии спрашивал напыль Чацкий оторопевшую Софью). Не имея наследников, художник выхлопотал волюную своим племянникам, отдавши их в кадетский корпус — оба "холопя" сделали успешную военную карьеру. В

ОБМАНЫ ЗРЕНИЯ

Фёдор Рокотов — сын своего века

XVIII веке социальные лифты работали сто исправно, что о древности рода вспоминали не так часто, как того жегали потомки допетровских бояр.

Тому образец — князья Разумовские, вытасщенные из украинской грязи и вознесенные к вершинам имперского могущества. Мы видим портрет Анны Васильчиковой, урождённой княжны Разумовской (начало 1780-х). Дочь Кирилла Григорьевича, фрейлина и богатейшая невеста России, она вышла замуж за Василия Васильчикова — брата одного из екатерининских фаворитов. Типовая шалость Галантного века — племянницу фаворита Елизаветы Петровны венчают с братом любовника Екатерины! Перед нами горделивая дива. Контраст лёгкой улыбки и — несмеющихся, умных глаз. Она — скорее лантная, чем хорошенькая. Тёмные волосы, хоть и уложенные в причёску а-ля Мария-Антуанетта, лишены французских украшений: при русском дворе не жаловали "сады и корабли", ибо чистоплотная Екатерина полагала, что сложные конструкции — распадники насекомых.

Тут же детский портрет Александры Глебовой (начало 1770-х) — родовитой аристократки, в замужестве княгини Щербатовой. Ей тут не более десяти лет, но малышка одета в платье с узким лифом — корсет носили чуть ли не с младенчества; со взбитыми волосами и при фамильных бриллиантах, вдетых в крохотные мочки ушей. В те годы никто — или почти никто не принимал детство как отдельную вселенную. Гуманистические идеи Жан-Жака Руссо, изложенные в педагогическом наставлении "Эмил", только-только овладевали массами. Ребёнок — это "начинающий взрослый", которого полагалось наряжать в те же парики, жабо и туфельки на каблучках, а девочкам преспособно декольтировали праздничные одежки. Здесь мы видим крошку-Сашеньку с глубоком, как у настоящей дамы, вырезом.

В силу того, что Рокотов входил в близкий круг Ивана Шувалова, художнику было поручено изобразить кабинет всесильного мецената. В XVIII столетии держалась мода на подобные картины — европейские богачи завещали потомкам "виды" своих апартаментов, парков, дворцов; этот мотив отражён в эстетском фильме Питера Гринуэя "Контракт рисовальщика". Русские аристократы не отставали, а потому шуваловский кабинет явлен во всей своей версальско-азиатской (sic!) роскоши. По стенам — картины старых мастеров. За этой лепотой сложно разглядеть обстановку: стол с креслом, зеркало, камин и ширму-обманку. Значимая деталь — портрет хозяйина, писанный, кстати, не Рокото-

вым, а французом Жаном-Луи де Велли, успешно подвизавшемся при царском дворе и в Академии Художеств. Таким образом, это "портрет в портрете" — любопытная игра, при том, что Рокотов (или его ученик?) сделал популярный Шувалова более жёстким и выразительным — Велли беспрестанно лыстил заказчикам. Аннотация гласит, что это копия с несохранившейся работы 1758 года — стало быть, вещь была очень популярной, что отличало все интерьерные картины: их множили с разными целями, в том числе и для приятельского подарка, в коем прослеживался элемент хвастовства.

XVIII столетие — век Просвещения и просветительства, что знаменовало появление слоя грамотных, эрудированных людей. В те годы следовало разбираться в поэзии, философии, математике и обожать электричество, которому пока не отыскали народнохозяйственную цель. Рокотов писал не только лишь патрициев, но и видных интеллектуалов. Мы наблюдаем один из портретов Александра Сумарокова — первого профессионального литератора на Руси, имевшего, к тому же, чин действительного статского советника.

Бархат и регалии, надменно-ироническая усмешка и — прищуренные, словно бы всё повидавшие глаза — таков русский пиит. Нынче его рифмы кажутся топорными, а сюжеты — переизбыточными. Хотя в наши дни даже фокусник Больтер имеет маловато поклонников. Примечательно, что "визуальные" искусства прошлого не устаревают, но каждый раз обогащаются интерпретациями, тогда как словесность требует новизны. Мы восторгаемся портретом Сумарокова, но не его стихами, требующими филологического подхода.

К Рокотову благоволила государыня: пожалуй, самые лучшие изображения Екатерины принадлежат его кисти. Он умел балансировать между правдой жизни и нормальным в той среде подобострастием. Не случайно центральным экспонатом выставки является парадный портрет императрицы (1770-е гг.) во всём блеске мощи и той северной красоты, что была присуща Екатерине — принцессе Фике из Щербста. Она видится колоссальной, не будучи высокой. Она — богиня среди обывденности и та сказочная Фелица, выдуманная Гавриилом Державным, но вместе с тем — чело-вечная, увлекающаяся, где-то легкомысленная. Линию продолжает портрет маленького Александра — дивного царевича, на которого бабка возлагала мыслимые и немислимые чаяния.

На выставке можно увидеть картины, впервые представленные широкой публике. Допустим, изображение княгини Анны Фёдоровны Белосельской (около 1770) или портрет неизвестного (1790), в котором угадываются черты Александра Борисовича Куракина — дипломата, общественного деятеля и большого любителя драгоценностей. Правда, осторожные историки-реставраторы поставили знак вопроса напротив пышной фамилии. Вообще, эта выставка — сплошные вопросы без ответов: Рокотов или его ученики? Куракин — или другой вельможа? Даты — и те начертаны условно-приблизительно. Разве небрежность? Это поиск. Не следует забывать о том, что масса шедевров XVIII века уже ко временам Пушкина расценивалась как забавная дедовская



Портрет Александры Струйской (1772)

архаика. Отсюда — плохая сохранность, утраты, невозможность точной датировки и сложности в установлении авторства. Имя Рокотова было в забвении почти сто лет — его чудом "вспомнили" "мирискусники", поклонявшиеся Галантному столетию.

Имеются на выставке и откровенно дилетантские вещи — Рокотов не сразу нашёл себя. Вот — портрет Василия Ивановича Стрешнева (начало 1760-х) — сенатора аннинско-биرونской закваски, отправленного Елизаветой Петровной в ссылку и возвращённого лишь Екатериной. Тщательно прописанное лицо не центровано и будто "выпрыгивает" из-под напыленного парика. Это распространённый ляп старинных живописцев — неумение совместить костюм и персону, ибо господа крайне редко изводили себя многочасовым позированием — физиономии дописывали уже после кафтана, как бы вставляя её в скомпонованный образ. Незвизира на это, портрет — живой, цепляет. Рисовальной технике научиться легче, нежели высекать искры из души человеческой. Рокотов умел заглядывать в глаза, как в бездну. Потому имя ему — вечность. Или же всё — обман зрения?

Галина ИВАНКИНА

СОН СВЯТОГОРА

О романе «Земля» Михаила Елизарова

"В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься"

Быт. 3:19

НЕТ, ДАЖЕ НЕ ТАК. "Въ началъ сотвори Богъ небо и землю". И только потом — человека на земле, из земли. С тех пор люди и земля неразрывно связаны друг с другом. Не только силой гравитации. Есть ещё понятие "родная земля". Не у каждого. Не у всех.

В русской культуре оно есть. И понятие "земли" для нас — не двумерно-плоскостное и даже не статичное. Это — не территория, не вещь, не почва, а самостоятельный и самоограничивающийся процесс, своего рода живое и включённое в наше бытие существо. Та самая "Мать Сыра Земля" из былин и сказок, которая, словно детей, объединяет семьи в общины, а общины — в народ. Всякий русский — брат другого русского (и нерусского тоже) через общую землю. Русскую землю.

"О, Русская землѣ! Уже за шеломянемъ еси! Земля-мать, земля-кормилица, земля-ратница... Которая защищает нас, но и сама нуждается в нашей защите. "Стоять за землю рускую!" — этот императив красной нитью проходит через всю историю нашего народа, нашего государства, сплетается с русским Словом, с русской Правдой, создавая русский Лад, русский Мир. Вслушайтесь, как процветает смыслами корень слова "земля": "земляной", "земельный", "земский", "земной"...

Поэтому, в некотором смысле, наша история — это наша география, и ни один правитель, который терпел русские земли, не был принят и признан народной памятью. Да и жизнь свою завершал, как правило, плохо... И "лишней" земли у нас не бывает и быть не может, как не бывает у нормального человека "лишней" головы, руки или ноги.

Украина "от Тяну до Дону", Польша "от можа до можа" и прочие, более далекие от нас примеры, вплоть до американского Manifest Destiny, которые рассматривают землю, прежде всего, как объект собственности, через призму права владения, — это, как любят так говорить, совсем другое. Слова о том, что "границы России нигде не заканчиваются", в этой системе координат выглядят как преступное посягательство на чужую "законную" собственность. А в наших глазах все эти "законники"-завоеватели — те, кто стремится поработить и продать собственную или чужую мать. Понять друг друга невозможно...

Всё это — к тому, что, назвав свой роман "Земля", Михаил Елизаров, словно былинный богатырь Святогор, взялся за непосильную ношу: суму перемётную с тягой земною". Даже в мире искусства "квантово спутанную" не столько с натуралистичным "La Terre" Эмилia Золя, сколько с фильмом Александра Довженко "Земля" 1930 года, признанным одним из последних шедевров "Великого Немого" кинематографа. Там главная героиня — живая, цветущая, плодородная, торжествующая над любой смертью, которую она "просто" вбирает в себя, давая взамен всё новые и новые жизни.

А роман Елизарова, вернее — пока не законченный роман, а его заявленная первая часть, удостоенная литературной премии "Национальный бестселлер" 2020 года, — представляет собой весьма впечатляющее явление. Хотя и вряд ли пригодное для школьной программы по русской литературе. Начинается "Земля" едва ли не как "главная книга", opus magnum автора, и выверенное обаяние его незаурядного писательского таланта, в котором свежесте образов сочетается с четкими связующими их линиями уже опытного мастера слова, окутывает читателя с первых страниц и ведёт за собой достаточно долго. Но на каком-то рубеже — лично у меня это случилось где-то на переходе от половины к последней трети весьма объёмного текста — внезапно ощущаешь, что повествование превратилось, говоря словами одного из персонажей "Земли", в "просто кладёзь обсценного фольклора", то есть из пространства литературы провалилось в пространство беллетристики.

Возможно, движение от почти классического "романа воспитания" через "порнобоевик" в духе "святых 90-х" (про них в романе и речь), а далее — в некий "мистический астрал" с "иерархической инициацией" главного героя, вполне соответствует замыслу автора. Но при этом возникает такое "сопротивление материала", сдвинуть с которым практически нереально. Возвращаясь к упомянутой выше былине о Святогоре, пока на 35 авторских листах премированного текста Михаил Елизаров смог "только дух под сумочкой пропустить", а уже увяз по колени. В земле, в слове, в любви, в смерти... Тут уж можно начать

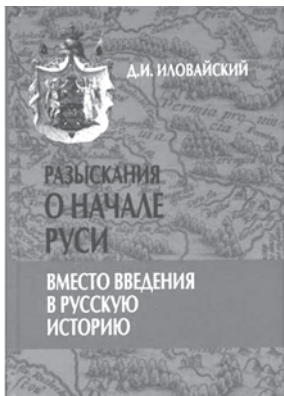
Георгий СУДОВЦЕВ

магазин
ДЕНЬ + 7 (499) 350-17-79

РОСНТА@DEN-MAGAZIN.RU

В.Н. ТАТИЩЕВ. История Российская с самых древнейших времен (компл. 7 томов). — М.: "Академический Проект", 2017. — 3881 с.

В настоящее издание вошла "История Российская" известного русского учёного и мыслителя Василия Никитича Татищева (1686-1750). Татищев по праву считается основателем русской исторической науки. В течение тридцати лет (с 1719 по 1750 гг.) он работал над созданием своего главного труда "История Российская с самых древнейших времен". Исторический труд Татищева по сей день является востребованным исследованием, которое используют и цитируют учёные. Татищев подготовил первую русскую публикацию исторических источников, впервые обнародовав тексты "Русской Правды" и "Судебника" 1550 года с подробными комментариями, закладывая, таким образом, основы отечественного источниковедения. Ученый предложил периодизацию истории России, основанную на критерии развития государственной власти. По его схеме, с IX по XII в. на Руси был период княжеского единовластия, но его сменил период раздробленности, повлекший за собой монголо-татарское завоевание, и только с середины XV в., с принятием Иваном III царского титула, единовластие было восстановлено, а позднее и укреплено царем Иваном Грозным. Труд Татищева охватывает историю России с древнейших времен вплоть до царствования Федора Михайловича Романова. В настоящем издании сохранены принципы академического издания 1962-1968 гг. Книга будет полезна широкой читательской аудитории.



Д.И. ИЛОВАЙСКИЙ. Разыскания о начале Руси. Вместо введения в русскую историю. — М.: "Академический Проект", 2015. — 522 с.

В настоящее издание вошло основополагающее сочинение выдающегося русского историка Дмитрия Ивановича Иловайского (1832—1920). Анализ значительного числа источников и подробное исследование фактического материала позволили Иловайскому углубить критику "норманской теории", развивая при этом свой подход к исследованию событий древней русской истории. Еще при жизни работы Иловайского высоко ценились за их блестящий стиль и ясность изложения, что делало их неоценимым подспорьем в учебном процессе.

Издание может быть рекомендовано учащимся и студентам исторического профиля, а также широкому кругу читателей, интересующихся вопросами древней русской истории.



С.Ф. ПЛАТОНОВ. Единый учебник истории России с древних времен до 1917 года (с предисловием Николая СТАРИКОВА). — СПб.: "Питер", 2017. — 512 с.

Единой стране — Единый учебник истории! Необходимость такого учебника на сегодняшний день очевидна всем, кроме... министра образования. Несмотря на требование президента, Единого учебника истории до сих пор нет.

Сложная работа? Безусловно. Но она уже была сделана. Ведь учебники истории были и в СССР, и в Российской империи, и если первые можно заподозрить в излишней идеологичности, то вторые несли только одну идеологию —

сильной сверхдержавы, огромной и единой страны.

Не надо выдумывать велосипед. Учебники истории уже написаны нашими предками.

Один из лучших — учебник профессора Сергея Федоровича Платонова. Перед вами издание 1917 года — учебник истории России с древних времен по 1917 год.

Так учили историю в той России, которую мы потеряли, но которую мы обязательно найдем и вновь сделаем сильнейшей державой мира.

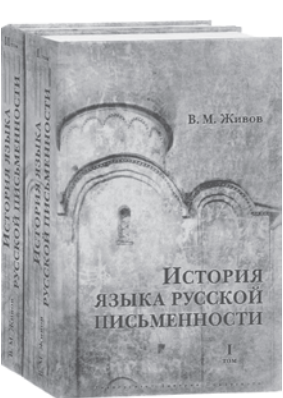
Так будет.

При одном условии — если мы не потеряем себя.

При сегодняшних учебниках истории, написанных на гранты Сороса и США, такой вариант вполне возможен.

Но он не устраивает нас. Именно поэтому Единый учебник истории сегодня нужен, как никогда.

А что учат по истории ваши дети?



В.М. ЖИВОВ. История языка русской письменности: в 2-х томах. — М.: "Русский Фонд Содействия Образованию и Науке", 2017. — 1296 с.

В.М. Живов — выдающийся учёный-славист, автор фундаментальных трудов по истории русского языка, древнерусской письменности, русской литературе разных эпох, истории византийской и русской культуры, русской церковной истории. Монография представляет результаты многолетнего изучения В.М.Живовым закономерностей исторического развития русского литературного языка. Центральной идеей исследования является мысль о том, что литературный язык развивается не спонтанно и "органически", а по сценарию, которые создают культурными процессами. Книга в основном строится по хронологическому принципу, при этом отдельные темы, связанные со структурными характеристиками письменного языка, рассматриваются сквозным образом. Второй том содержит третью и четвертую части монографии. В третьей части исследуется динамика языковой ситуации в период до формирования языкового стандарта. Рассматриваются процессы изменений в регистрах письменного языка в тот период, когда он сохранял регистровую организацию (вплоть до конца XVII в.). Четвёртая часть посвящена процессам формирования русского языкового стандарта (русского литературного

языка) на протяжении XVIII — начала XIX в.



А.И. ФУРСОВ. Борьба вопросов. Идеология и психология: русское и мировое измерения (2-е издание, дополненное). — М.: "Книжный мир", 2020. — 784 с.

Столетие Великой Октябрьской социалистической революции не только заставляет нас оглянуться с интересом на "короткий" XX русский век (1917-1991), но и задуматься над тем, почему провалился великолепный социальный эксперимент по построению социализма в отдельно взятой стране — СССР.

Был ли в корне неправ Маркс со своим пресловутым "Капиталом"? Или его задумка была верной, вот только подвели последователи-практики: Ленин, Троцкий, Сталин? А, может быть, коммунизм прошёл отведённый ему Историей путь и скончался своей смертью — от внутренних противоречий? Или коммунистическое будущее человечества похоронили предатели, глупцы и марзматики в позднем советском руководстве?

В новом издании книги кандидат исторических наук Андрей Фурсов даёт ответы на эти вопросы. Ответы неутешительные, жёсткие, честные, ставящие перед читателем новые вопросы: о будущем человечества и его, читателя, роли в свершающейся на наших глазах очередной передаче карт Истории.



Н.Н. ПЛАТОШКИН. Горячие сражения Холодной войны. Неизвестные страницы. — М.: "Книжный мир", 2019. — 480 с.

В книге российский дипломат и политолог Николай Платошкин хронология 45-летней холодной войны Запада и Востока дана ав-

тором на основе дипломатических документов, разведданных и других материалов, которые свидетельствуют о широте и накале противостояния двух социальных систем во второй половине XX века. Читателю, без сомнения, интересно будет увидеть изнанку борьбы, определившей вектор мирового развития на десятилетия вперед.

Как начиналось эпическое противостояние СССР и США? Как Европа оказалась расколота на два лагеря? Кто спровоцировал венгерское восстание и "Пражскую весну"? Как Запад боролся за "демократию", а СССР — за "мир во всем мире"? Как Горбачев предал Советский Союз?

История холодной войны от разгрома фашистской Германии до развала СССР — на страницах этой книги.



Е.В. ПЧЕЛОВ. Романовы: история и генеалогия. — М.: "Академический Проект", 2017. — 448 с.

Род Романовых принадлежит к числу древних семей московского боярства. Его представители были самодержавными властителями более 300 лет: с февраля 1613 г. до марта 1917 г. В роду Романовых было 18 монархов, во времена правления которых наше Отечество переживало великие и трагические страницы своей истории. После революции большая романовская семья, включавшая в себя в 1917 г. более 60 человек, распалась. Восемнадцать из них погибли в годы революции, остальные разными путями удалось покинуть Родину. Сейчас Романовы и их потомки живут во Франции, Испании, Италии, Швейцарии, Дании, Великобритании, США, Канаде, Уругвае. Но где бы они ни жили, в своих сердцах сохраняли любовь к России. Теперь многие из них возвращаются домой. Их история продолжается. В рамках книги воссоздана "коллективная биография" этого рода от восшествия на престол Михаила Федоровича до наших дней. Особую ценность издания придает сочетание генеалогических, биографических и библиографических сведений, придающих ей справочный характер, и "живых", написанных научно-популярным стилем очерков о представителях династии.